

ВЛАДИМИР АГИЕВИЧ

125-летию со дня рождения Якуба Коласа

В КАЖДОЙ СТРОКЕ — ЖИЗНЬ

Творчество народного поэта Беларуси Якуба Коласа [Константина Михайловича Мицкевича (1882–1956)] являет собою высоту достижений народного духа, присущего христианской нации. Такое понимание возникает после осознания его творчества, философского осмысления духовных ценностей произведений классика.

Творчество Якуба Коласа совпало с этапом национального взлета, а также общемировым движением по пути гуманизма в Центральной и Восточной Европе.

Для Беларуси, находившейся в составе Российской империи, процесс возрождения имел острую специфику, связанную с духовными перипетиями истории. Именно восстановление в правах Православного христианства во второй половине XVIII века на землях, где подавляющая часть населения (до 80–90%) исконно принадлежала к этой конфессии, и обусловило начало процессов национального возрождения, стало творческим кредо его духовных вождей, народных поэтов.

Имперская политика Санкт-Петербурга, что проводилась под лозунгом собирания русских земель, неожиданно принесла парадоксальный плод: вместе с политикой русификации (точнее следует употребить иной термин, ибо русов, тех же белорусов, нельзя по определению русифицировать) возвратилось Православие как официально санкционированная государством идеология. Извечная вера предков оказалась не под угнетением, и потому народ легче вздохнул, вспомнил о том, что на просторах своей страны от полоцкой Софии до гродненской Коложи, от Вильни до Турова – древних столиц – везде стояли церкви, а на западе страны они были по меньшей мере за 2–3 столетия до того, как здесь вознеслись первые костелы. Именно Православие сформировало основные духовно-нравственные и социально-психологические черты белорусов. Поэтому государственная поддержка веры отцов-пращуров, ещё вчера угнетенной и презираемой официозом, приветствовалась основной массой населения. Судьба вновь соединила Беларусь с духовными первоосновами, в формировании которых принимал деятельное участие Георгий Скорина, наш библиист и просветитель-первопечатник. Новое духовное состояние в обществе создало предусловия национального возрождения, о котором ранее даже нельзя было подумать и которое позднее, в условиях возобновленных “*Wschodnich kresow*”, вновь подлежало “окончательному решению”. Продолжая традиции Скорины, Якуб Колас, будучи вице-президентом Академии наук Белоруссии, придерживался строго научно-исторического подхода к национальной проблематике – от масштабных явлений бытия до такого, казалось бы, частного явления, как имя Великого Полочанина: при его жизни крестное имя Скорины – Георгий – употреблялось неотступно. В этом усматривается верность принципиальным положениям христианской морали, которая акцентирует внимание на вещах непреходящих, вечных, в основе которых лежит принцип бытия человека на земле как подготовки к жизни вечной. Здесь-то и возникает проблема человеческого су-

ществования в двух аспектах. Что истиннее: “быть” человеком в этом мире или “иметь” богатства этого мира?

Библейская эпичность поэтики Якуба Коласа — это результат мировосприятия, в истоке которого христианская бытийность, христианское восприятие действительности преходящего миропорядка и соответственного мироощущения. В коласовской этике и эстетике проявился интеллект выросшего в лоне белорусской природы человека, который с детства гармонично впитал в себя единство души и природы, те факторы, составляющие личность, которые обретут законченность и непоколебимость у будущего выпускника Несвижской учительской семинарии, где, кстати, на должном уровне преподавалось Слово Божие. Даже в учредительных документах семинарии значилось, что она создана как “просветительский и образовательный форпост, который будет служить опором польскому католицизму, гнездящемуся в Несвиже и его околицах”, то есть рационалистическому влиянию Европы, сформировавшему конфессиональные отличия, благословившему моральность и равноправность субъекта “владения” наравне с “бытием” человека. Именно здесь сложилось нравственное понимание Коласом бытия, христианское отношение к людям и их жизни.

Особенно красноречиво об этом свидетельствует поэма Якуба Коласа “Новая земля”. Ее название сразу же порождает ассоциации с библейским контекстом о новом небе и новой земле для праведников. Ее тема — развернутая экспозиция слов евангелиста Матфея: “Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше” (Мф. 6, 19–21).

На фоне изображения народного уклада жизни, сознательно идеализированного как образец, поэт восславляет идею свободного труда, тружеников, исповедующих идею свободы и праведности в мыслях и делах, которые составляют ткань их онтологического бытия.

В вульгаризированных оценках поэмы народный образ жизни превращался в соответствии с клише эпохи — в мелкобуржуазный, что значило — в сугубо материалистический. Из народных идеалов и ценностей вытрапливалось все то жизнеспособное, что давало силу духовному здоровью народа и что было зерном их философии. Нигде не прослеживалась связь и совпадение народного и христианского, что совершенно искажало философию поэта. Подобная критика не видела универсальной цели христианина, цели, осознаваемой главным героем поэмы Михалом: здесь на земле создать условия для свободного труда, приобрести, освоить необходимые средства, чтобы быть человеком. Ему как воздух нужна Богом сотворенная земля, “свой кут”, чтобы уничтожить условия угнетения и несвободного труда, “каб з панскіх выпутацца пут”. Они не для установления “владения”, что было бы равнозначно для героя превращению в “пана”. Вектор духовного движения у него — совершенно иной.

Критика же усмотрела главную цель такого христианина в приобретении собственности: новая земля (универсальный образ всей поэмы, которая является энциклопедией народной жизни) тенденциозно представляется прежде всего как земля собственная, и такое осмысление вменялось и герою, и самому поэту. Узость подобного взгляда в обобщении: “Всё умонастроение, весь уклад жизни героев поэмы отмечены мелкобуржуазными чертами. Мелкобуржуазным представляется общее мировоззрение Михала и Антося, в мелкобуржуазной обстановке воспитываются дети, и те радости, которые время от времени выпадают на долю семейки, увы! — совсем мелкобуржуазные радости” (Байкоў М. “Новая беларуская паэма”. — “Полымя”, 1923, № 5, 6). Словом, белорусский народ якобы жаждет не “быть”, а “иметь”, то есть поступать вопреки показанному поэтом результату тысячелетнего воспитания в христианской традиции не собирать для себя тленных сокровищ!

Мало изменились акценты в официальном осмыслении идейно-философского содержания и вообще философско-эстетического кредо Якуба Коласа и в последующее время, несмотря на, казалось бы, противоположные официальные парадигмы в новые периоды народной истории. Парадоксально, но тогда никто из заинтересованных специалистов не заметил неуместности своих оценок с позиций разделяемой доктрины, которая на знаменах написала лозунг “Победа свободного труда!”. Походя они конвертировали Коласа из “классово враждебного”, “подкулачника” — в “попутчика”, в “классово близ-

кого” и, наконец, благодаря “последовательности” классового мышления – даже в революционера, поселенного в душе поэта-христианина. Им же принадлежит “редактирование” текстов классика. . .

Педант возразит, что, мол, не всё в поэме так гладко и что герой мечтал-таки “разжыцца ўласнаю зямлёю”, его “прыцягвала свая зямелька, свая хата. . . прытулак свой, куток уласны”, что, мол, идея собственности и родила кредо:

*Купіць зямлю, прыдбаць свой кут,
Каб з панскіх выпутацца пут,
І там зажыць сабе нанова:
Свая зямля – вось што аснова!*

Но обратим внимание на общий контекст, без которого частности (собственная земля, угол собственный) не могут претендовать на всеобщность заложенного в произведении смысла.

Поэтому отнюдь не расчлененная душа крестьянина как коллективиста-собственника показана в поэме “Новая земля”, а целостная христианская душа человека в условиях изменившейся социально-исторической эпохи. Не случайно выше высказанной тезе противоречит и заключительная строка о земле как основе жизни: не собственность основа, а нечто частное к творению – Земля. Она представляется поэту основой всей жизни, но не фундаментом для имущественных отношений.

Такое понятие о земле становится основным представлением в его сознании, которое выпадает из системы язычества и космоцентризма; своим содержанием оно богаче природоведческих и экономических категорий. Земля – понятие гомоцентрическое, но не личностное. Именно в таком свете естественна мысль героя о ничтожности цены приобретенного имущества, на котором будет он строить свое благополучие, ибо оно, имущество бранных земных сокровищ, “як шклучка тое, крохка”. Словом, имущество не может быть вещью субстанциальной, на чем следовало бы основывать благополучие, ибо оно легко превращается в “чарапкі”.

Вследствие такой оценки возрастают и превалируют моральные ценности, герой хочет быть свободным и в труде, и в нравственной сфере, а не просто владеть условиями своего существования, или, что равнозначно, иметь власть над людьми (тем же Тэшем или паном Раковским). Поэтому

*. . . гэта думка аб зямлі
Запала ў сэрцы назаўсёды,
Як промень волі і свабоды.*

Идея свободного труда доминирует в последнем наказе труженика:

*Які ж то грунт? Зямля, навука,
Але не панская прынука.*

Последовательно, однозначно высказывается и жена труженика:

*Ці дасць зямля табе збавення.
.....
Такія думкі разважанні,
Як молат, білі сэрца Ганны:
Тут справа не ў сваёй сядзібе,
А ў ладзе гэтым уся злыбедзь. . .*

Следует ли искать более прозрачное подтверждение у людей труда примата морального “быть” человеком, философии свободы над аморальным “иметь”, то есть раболепием пред тленными богатствами, у людей, которые землю – не вещь, – но условия свободной жизнедеятельности эстетизируют и поэтизируют:

*Яе Міхал – прыпомнім гэта –
Апісваў фарбамі паэта.*

Так решал Якуб Колас духовную проблему, подслушав и распознав глубинную сущность народной души, выявив гений народного духа.